

Гусарские тайны: архив Андрея Балашова и «Братство Русской Правды»

ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВА-
ТАНДИЛЬ

«Весна пришла в Париж, но не радуется она простым парижанам», – нередко вспоминаю эту ставшую крылатой фразу одного из «выездных» советских журналистов. Весна 2024-го, однако, для меня, «простой парижанки», оказалась совсем не такой, а напротив, урожайной на интересные материалы. На столе моего парижского кабинета разложены русскоязычные прокламации, текст которых гласит: «Коммунизм умрет. Россия не умрет!» Или вот еще: «К “высшей мере” коммунистов! / Смерть отродью Каина! / Подымай на штык чекистов! / А первое – Сталина!» Китчевые частушки сопровождаются грубоватым наброском протыкаемой штыком головы «вождя народов». Всем «предателям отчизны» и чекистам листовки обещали скорый и грозный «сов-каюк». Век назад такие листовки тысячами просачивались сквозь границы Советского Союза. Ходоки-активисты по ночам обклеивали ими вагоны поездов, шедших в СССР, и передавали матросам пароходов, отбывавших в советские гавани. Оскорблявшие революционное дело и поносившие его вождей пропагандистские материалы прилетали даже на воздушных шарах¹. ГПУ было вне себя. Подписавшиеся называли себя «Братством Русской Правды» (БРП).

¹ См.: БАЗАНОВ П.Н. *Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья*. М.: Посев, 2013. С. 104–114.

АРХИВ «НЗ»

Илл. 1, 2. Малоформатные листовки БРП. Частное собрание.

БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ «МАФИЯ»: ОТРИЦАНИЕ И ОБРЕТЕНИЕ

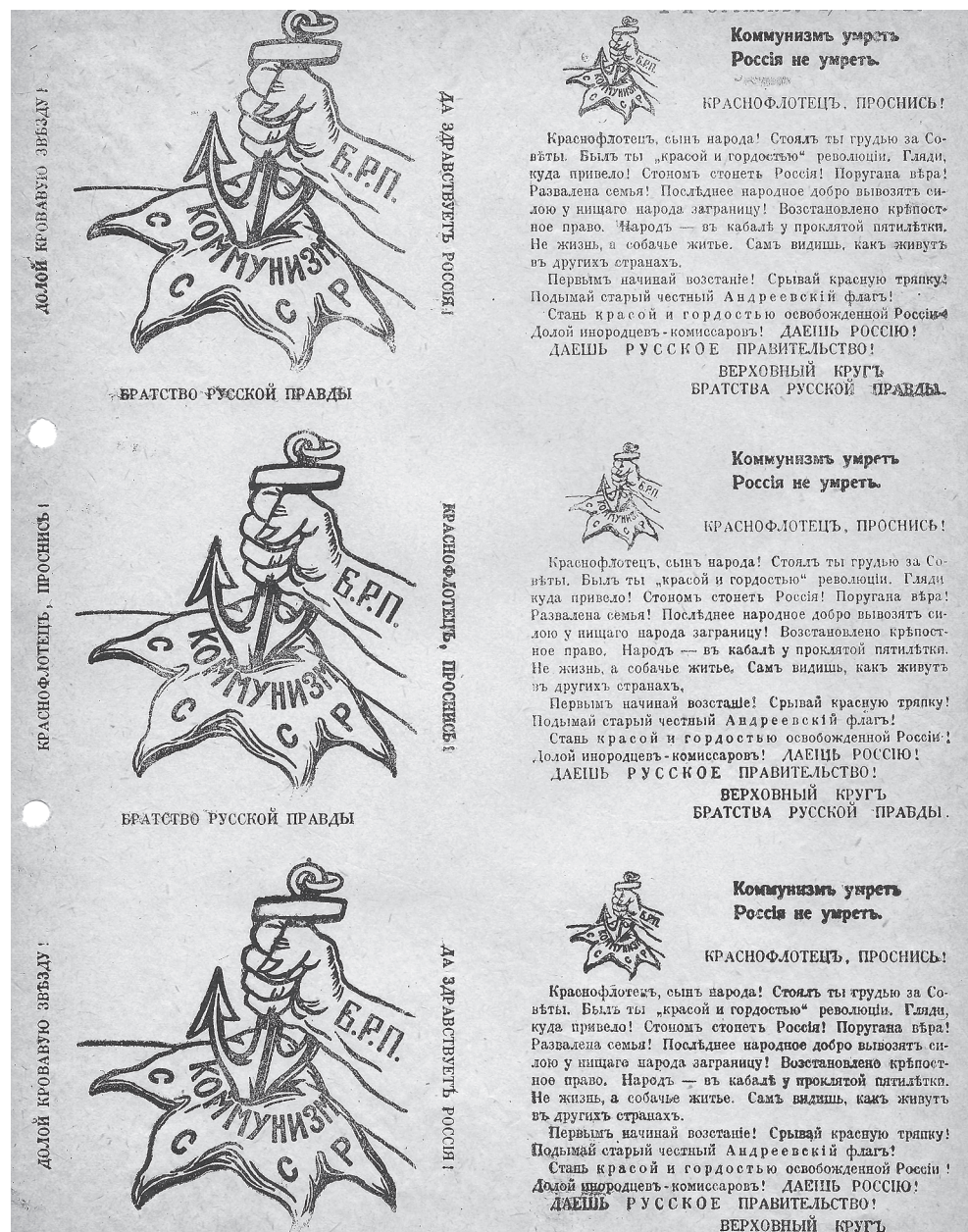
Созданное в 1921 году в Берлине БРП с самого начала ушло в глубокое подполье. Объединенная на формально монархической платформе организация внимала духу времени и в какой-то мере подражала своим противникам-большевикам: согласно

ее установкам, любые методы были оправданы, если они вели к торжеству контрреволюции. Главным делом организации был подрывной активизм, не ограничиваемый никакими моральными, политическими или иными рамками. Новые члены, которых называли «братчиками», приносили клятву верности, после чего получали индивидуальные братские номера для отчетов и переписки, а также принимали псевдонимы. Объедине-

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

Екатерина Олеговна Николаева-Тандиль (р. 1989) – историк-искусствовед, действительный член административного совета Французского синдиката экспертов по произведениям искусства и предметам коллекционирования, докторант Университета Сорбонны, специализируется на истории русской эмиграции.

ние не имело декларируемого лидерства, ориентировалось на террор и организовывало автономные ячейки – или, в редких случаях, небольшие отделы – в странах русского рассеяния.

Именно из-за отсутствия явных вождей большинство специалистов, подступавших к теме, задавались вопросом: а существовала ли эта антисоветская *Cosa Nostra* в действительности? Выдвигались различные версии: по мнению одних, литературу и листовки печатали энтузиасты-анонимы; согласно другим, БРП было плодом травмированного воображения изгнанных интеллектуалов, а ее куцая история граничила с профанацией². Выдвигаемые догадки, как правило, не обременялись документальными подтверждениями. Собственно, взялся таковым было и неоткуда: конспирация в БРП соблюдалась настолько неукоснительно, что «братчики» чаще всего не знали друг друга по имени и в лицо, а потому история организации словно с концами ухнула во мглу изгнания. Лишь позже появилась подтвержденная документами уверенность в том, что БРП действительно существовало, а отдельные его кадры даже участвовали в повстанческой деятельности в дальневосточном приграничье СССР³. В 2013 году появилась по-настоящему научная и обстоятельно фундированная работа Петра Базанова, восстанавливающая идеологию и деятельность БРП по доступным на тот момент документам. Сомнений тогда уже не оставалось: и организация, и литература, и боевики – все было реальным, и, казалось бы, можно ставить точку. Да, история БРП по-прежнему полнилась загадками, но им, как виделось еще совсем недавно, суждено оставаться таковыми и впредь. Ведь даже коллекции более крупных эмигрантских организаций труднодоступны и в немалой части утеряны или сохранились лишь частично. Анонимы же и того не собирали.

Внести в это дело ясность помог случай. В 2021 году, в столетнюю годовщину основания БРП, на аукционный рынок Франции поступил объемнейший архив неизвестного ранее изгнанника Андрея Владимировича Балашова (1889–1969). Поэт и гусар, участник Первой мировой и гражданской войн, прошедший лагерь в Галлиполи, он был также известен под псевдонимом «Изюмец». Более того, как выяснилось, в качест-

2 См., например: Будницкий О.В. *Братство Русской Правды – последний литературный проект С.А. Соколова-Кречетова* // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 114–143; COUDENYS W. *Activisme politique et militaire dans l'émigration russe: réalité ou sujet littéraire? À propos du «Bratstvo Russkoj Pravdy» (BRP) après sa «disparition»* // MARTIN S. (Ed.). *Les premières rencontres de l'Institut européen Est-Ouest*. Lyon: ENS-LSH, 2005. P. 241–258.

3 Основываясь на документах советской разведки, российский историк Николай Егоров довольно подробно рассматривает деятельность повстанческих групп БРП на территории Маньчжурии и Китая, их вылазки в СССР и борьбу с ними ГПУ. Однако, не обладая доступом к документам европейских отделов организации, Егоров недооценивает роль БРП в зарубежье. См., например: Егоров Н.А. *Пресечение органами государственной безопасности СССР подрывной деятельности дальневосточного центра Братства Русской Правды* // Дальневосточный форпост. 2016. № 28. С. 44–51.

ве «брата № 114» Балашов оказался руководителем бельгийского отдела БРП, автором множества текстов, обнародованных от имени Братства, издателем основного массива его агитационной литературы. В истории Братства он оказался многопланово центральной фигурой.

Незадолго до кончины в доме престарелых под Брюсселем этот подвижник, не имевший ни семьи, ни наследников, передал свой архив на хранение близким друзьям. А передать действительно было что: за двадцать лет активной работы Балашов сберег тысячи писем, связывавших его с более чем тремя сотнями корреспондентов; фотографии, отчеты соратников, полную бухгалтерию запутанной сети отделов и ячеек Братства, а также множество иных материалов, позволяющих отследить историю организации вплоть до постигшего ее в 1933 году раскола и последующего угасания. Аккуратист Балашов печатал письма, обязательно подкладывая копировальный лист, а на большинство копий крепил квитанцию об отправке с реальным именем адресата. Балашовский наказ друзьям был прост: до поры сберечь все это богатство, поскольку «время еще не пришло».

Шли годы, успел развалиться Советский Союз. Время все никак не приходило, полсотни(!) коробок с богатейшими историческими источниками продолжали лежать на брюссельском чердаке. Минули еще несколько десятков лет, на протяжении которых специалисты продолжали изготавливать статьи о «наличии отсутствия» таинственного Братства. Наконец, в 2020 году потомки друзей Балашова решили, что время пора поторопить – и обратились к парижскому аукционисту Вильфриду Казо, главе одноименного парижского аукционного дома. Тот предложил мне провести экспертизу вводимых в оборот материалов, организовать продажу массива документов и стать «экспертом архива БРП». Это звание сопровождало меня в течение трех последующих лет⁴.

Требования к работе эксперта-искусствоведа отчасти схожи с требованиями к гонщику «Формулы-1». Нужно безошибочно, быстро, четко сориентироваться в горах незнакомых, хаотичных, расфасованных кое-как коллекций, посвященных давно исчезнувшим темам, людям, делам. Столь же стремительно требуется находить достоверную информацию, а при описании архива выделять самое важное и пренебрегать менее существенным. Разумеется, трудности сравнительного и графологи-

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

⁴ По результатам семи торгов, состоявшихся в 2021–2024 годах, большая часть архива БРП пополнит коллекцию Гуверовского института при Стэнфордском университете и станет доступна для исследователей в ближайшее время. Мне было предоставлено разрешение на дальнейшую работу с материалом. Оставшаяся часть архива была приобретена частными лицами, любезно разрешившими использовать вводимые в оборот новые материалы в настоящей статье.

ческого анализа идут отдельным сюжетом. Увы, у аукциониста нет возможности посвятить месяцы и годы выверке каждого листа и чтению всего подряд, и потому колесо работы эксперта аукционного дома прокручивается шесть раз в году, требуя колоссальных затрат энергии. Один аукцион средним объемом в двести или триста лотов готовится два месяца. Но полсотни балашовских коробок требовали куда большего вложения духовных и физических сил. Тем не менее, увлекая исследователя, они позволили впервые собрать воедино полную историю таинственного БРП. Время все-таки пришло.

В паре статей, которые недавно увидели свет, я попыталась подробно осветить историю формирования балашовского архива, а также его попадания на публичные торги в Париже. Мной был произведен первичный анализ найденных бумаг, позволивший наметить ряд новых подходов к истории эмигрантской организации, долгое время ускользавшей от специалистов⁵. Тем не менее вместить всю обретенную информацию в два текста не получилось, поскольку за рамками рассмотрения оставался огромный и неизведанный пласт: практическая деятельность БРП в русском зарубежье. Вместе с тем архив Балашова предлагал много интересного на этот счет, заставляя продолжать изыскания. Таким образом, настоящая статья, не дублируя предшествовавшие ей материалы, заполняет лакуны, оставшиеся после их выхода.

СОКОЛ, КРЕЧЕТ И ГРИФ

Излишне в деталях пересказывать все, что известно на сегодняшний момент о БРП, хотя беглый эскиз истории организации представляется необходимым. Любое движение нуждается в медиа, несущем его идеи в массы. БРП избрало таковым периодическое издание под названием «Русская правда», выпускаемое бывшим офицером Сергеем Соколовым-Кречетовым (1878–1936). С момента первого выхода в свет в 1921 году небольшая берлинская газета призывала бороться с большевизмом всемерно и всемирно, а также рассказывала о тяготах жизни в СССР. Кроме того, на ее страницах печатались отчеты об акциях и диверсиях против советских представителей за рубежом.

В какой-то мере издание отражало нелегкую жизнь и своего издателя, типичную, впрочем, для того поколения русских интеллигентов. Соколов – поэт-символист – до революции был

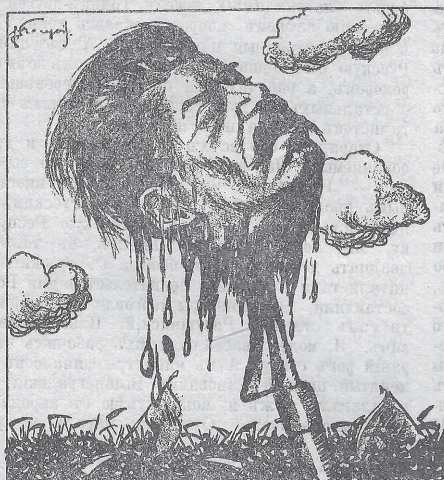
5 См.: Николаева-Тандиль Е.О. «Братское сердце», или Полвека на чердаке: уникальная история архива Братства Русской Правды // Историческая экспертиза [Кишинев]. 2024 (www.istorex.org/post/ekaterina-nikolaeva-tendil); Она же. Дневник корнета: Андрей Владимирович Балашов – связной Братства Русской Правды // Историческая экспертиза [Кишинев]. 2024 (www.istorex.org/post/ekaterina-nikolaeva-tendil-2).

РУССКАЯ ПРАВДА

ГОЛОСЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ НАЦІОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ.

Ноябрь-Декабрь 1930 года

Какой подарок принесли народу коммунисты на Новый 1931 годъ? Голоды! Голоды! Голоды! Рабочіе, бастуйте! Крестьяне, не давайте своего хлѣба! Народъ, раскачивай, ломай красный аппаратъ власти! Долой кабальную пятилѣтку! Долой Комиссарскую власть! Да здравствуетъ Русское Національное правительство!

Сталину-Джугашвили

Отъ Братства

Русской Правды

новогоднее пожеланіе.

Новый отводъ глазъ! — Врешь, не повѣримъ!

(Ко всѣмъ гражданамъ Россіи)

Закончился судъ надъ спецами-вредителями въ Москвѣ. Надъ профессорами Рамзинымъ, Калининковымъ, Федотовымъ и другими. Обвинялъ ихъ самъ прокуроръ Совѣтской Республики, товарищ Крыленко. Каждый день подъ окнами суда проходили „добровольныя“ манифестаціи, сотни

тысячъ Московскихъ жителей (попробуй-ка, не пойдй!). Кричали во всю глотку съ „искреннимъ“ негодованіемъ (попробуй-ка, не покричи!): „Смерть вредителямъ! Смерть врагамъ Совѣтовъ!“

Добрый мѣсяцъ писали про этотъ „судъ“ всѣ

известен в литературных кругах благодаря возглавляемому им издательству «Гриф», в котором публиковались Александр Блок, Константин Бальмонт, Андрей Белый, Федор Сологуб, Владислав Ходасевич, Иннокентий Анненский, Максимилиан Волошин. Неудивительно, что литератор, уже тогда печатав-

Илл. 3. Газета «Русская правда», ноябрь-декабрь 1930 года. Частное собрание.

шийся под псевдонимом «Кречетов», был вхож в наиболее влиятельные столичные салоны и состоял в дружбе со многими поэтами и писателями рубежа веков⁶. Ему доверяли и его уважали.

Летом 1914 года началась война, и Соколов, подобно многим молодым интеллектуалам Российской империи, ушел добровольцем на фронт⁷, где в качестве прапорщика 53-й артиллерийской бригады участвовал в Восточно-прусской операции. Сегодня нам известно, что на момент призыва издатель «Гриф» был еще и директором Капорской железной дороги, а значит, имел бронь от мобилизации – но патриотическое чувство взяло верх. Соколов проявил себя смелым воином, неоднократно отличался в боях. В 1915 году, прикрывая отступление основных сил корпуса, он получил тяжелейшее ранение в голову, последствия которого будут мучить его до конца дней, и попал в немецкий плен⁸. Среди его собратьев по неволе оказались будущий «красный маршал» Михаил Тухачевский и будущий лидер «Свободной Франции» Шарль де Голль.

На уже революционную родину Соколов вернулся только в августе 1918 года. Привычный мир не просто рухнул – от него не сыскать было даже осколков, но зато осталось много злобы и желания отомстить за поруганную жизнь. Соколов присоединился к Добровольческой армии, но из-за недавнего ранения о фронте можно было позабыть, и «Гриф» обосновался в Осведомительном агентстве (ОСВАГ) – пропагандистском органе добровольцев. Следующие два года Соколов трудился на агитационном поприще⁹. После Новороссийской эвакуации марта 1920-го Соколов транзитом через Константинополь очутился в Париже, затем в Берлине. Темперамент не позволял ему сидеть сложа руки, и уже через год было открыто издательство «Медный всадник». Дело спорилось благодаря финансовому вспомоществованию со стороны старого друга, герцога Георгия Лейхтенбергского, сумевшего сберечь часть зарубежных активов своего рода. Соколов одновременно включается во множество дел: он соучредитель «Цеха поэтов», товарищ председателя правления «Союза русских литераторов и журналистов», делегат парижского Российского Зарубежного съезда 1926 года, постоянный автор газет «Общее дело» и «Возрождение».

6 См.: Базанов П. Н. *Книгоиздательство «Медный Всадник» и Братство Русской Правды* // Библиотекосведение. 2005. № 6. С. 52–58.

7 См.: Бессонов В. А. *«Арбатский Гриф»* // *Арбатский архив. Литературно-краеведческий альманах. Вып. II*. М.: Наука, 2009. С. 428.

8 Шрапнель раздробила Соколову часть скулы и повредила челюсть. Некоторые исследователи предполагают, что следствием ранения стала и опухоль мозга, послужившая причиной его смерти в 1936 году; однако без медицинских документов подобные заключения остаются гипотетическими.

9 Бессонов В. А. *Указ. соч.* С. 417–435.

Вместе с соратниками – среди них все тот же Лейхтенбергский, донской атаман и литератор Петр Краснов, князь Анатолий Ливен – Соколов сколачивает основу БРП, приняв титул «брата № 1» и псевдоним «Фор Эвер». В дальнейшем организация будет разделена на два крыла, полупубличное и непубличное. Очень скоро к ее деятельности подключились другие эмигранты: митрополит Антоний (Храповицкий), журналист Владимир Бурцев, писатель Александр Амфитеатров, а также множество бывших военных чинов, среди которых самыми яркими фигурами стали генерал-лейтенанты Михаил Дитерихс и Дмитрий Хорват, руководившие деятельностью БРП на Дальнем Востоке.

Членство в организации подразделялось на три разряда, которые состояли из «братчиков», действовавших, во-первых, в Европе, во-вторых, на приграничных территориях СССР и, в-третьих, непосредственно в Советской России. Две последние категории составляли боевой сектор: их члены переходили через границу, организовывали акты саботажа и террора, участвовали в перестрелках с агентами ГПУ и пограничниками. Тыловым «братьям» надлежало поддерживать тех, кто работал в СССР: как неоднократно отмечалось в газете и многочисленных листовках БРП, «вся работа братства направлена туда». Поскольку ранее специалистам-историкам были доступны некоторые чекистские документы, более или менее четкое представление о деятельности «братчиков» в приграничье и внутри Советского Союза удалось сформировать – вместе с тем активность БРП за границей до недавнего времени оставалась практически полностью скрытой.

«ЗАМЕТАТЬ СВОИ СЛЕДЫ ОТ КРАСНЫХ ГЛАЗ»

Широкая, как и сама русская диаспора, братская сеть охватывала около трех десятков стран. Департаменты, или отделы, БРП существовали в Австрии, Аргентине, Бельгии, Болгарии, Бразилии, Великобритании, Германии, Греции, Египте, Италии, Канаде, Китае, Корее, Латвии, Литве, Парагвае, Персии, Польше, Румынии, США, Финляндии, Франции, Чехословакии, Эстонии, Югославии, Японии. В некоторых европейских странах – как, например, во Франции – было несколько отделов. Департаменты различались по количеству принесших клятву «братчиков», да и задачи, в зависимости от страны, были несопоставимыми: «братское» дело в далекой египетской Александрии отличалось от работы в граничащей с Советами Финляндии.

Кто же мог стать «братом»? В организации отсутствовали градации, связанные с классом, происхождением, профессией.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

В нее вступали представители и военных, и гражданских, и духовенства, и студенчества, и мужчины, и женщины: то есть наряду с «братчиками» были еще и «сестры». Судя по изученным мною данным, весьма заметную по численности группу составляли офицеры младших чинов, которые в изгнании поступили в зарубежные университеты. Женская активность в БРП имела специфику: пользуясь доступом в разного рода дамские кружки и ассоциации, а также церковные приходы, «сестры» в основном стремились привлекать в БРП финансовые средства; особое внимание они уделяли тем местам, которые еще не были затронуты присутствием других крупных объединений вроде Русского общевойскового союза (РОВС).

Такой организационный плюрализм позволял БРП распространять свое влияние на максимально широкое число русских. Финансово поддержать БРП мог любой сочувствующий, но, разумеется, подобное соучастие отнюдь не всегда становилось регулярным, равно как и не все жертвователи превращались в «братчиков» (или «сестер»). Кандидат на вступление – «брат-соревнователь» – подписывал «клятвенное обязательство» и получал порядковый номер, после чего выбирал себе псевдоним. Балашов инструктировал сподвижников следующим образом:

«В письмах подписывайтесь вымышленным именем. В левом же верхнем углу помещайте №. Первая буква обозначает начальную букву текущего месяца, затем №, которому пишут, и после №, который пишет. Таким образом для нас будет ясно, кто и от кого, а для непосвященных же это будет какой-нибудь исходный №. Но, конечно, никто не должен из посторонних этого знать. Таким образом Вы в этом месяце будете мне писать Д№РД1/25. РД – сокращенное название Отдела “Русское дело”. Мы должны всячески заметать свои следы от красных глаз»¹⁰.

Эта чехарда номеров способна свести историка с ума. С одной стороны, согласно используемой БРП многоуровневой нумерации, каждый рядовой член организации приписывался к своему отделу, обращаясь к своему руководителю с использованием персонального кода. С другой стороны, внутри отделов нередко применялся какой-то другой способ нумерации. Так, департамент «Изюмская связь», рассеянный по тем европейским странам, где проживали гусары 11-го Изюмского полка, и руководимый полковником Андреем Долинским, обозначался как «ИС». Наконец, названия некоторых отделов нам по-прежнему неизвестны, и потому трудно понять, почему Екатерина Шереметьева из Франции писала в качестве «№ВП-82», а Александр Хуренков из Канады обозначался как «№НА-28». Хуже того,

¹⁰ Частное собрание (ЧС), без дополнительной идентификации. А.В. Балашов – М.А. Квасневскому. 6 декабря 1929 года.

в 1930–1933 годах многие номера были перетасованы. Например, Константин Горovenko, «брат № 99» – руководитель Лионского отдела, работавший под псевдонимами «Черноморский» и «Националист», – с конца 1933-го внезапно стал «братом № 75», а Георгий Ларин – глава Красновского отдела в Шанхае, а также подотделов в Приморье, работавший под псевдонимом «Восточный» и до октября 1930 года носивший № 150, – с осени 1930-го стал № 120. Если бы не заметки Балашова, то в этом лабиринте можно было бы плутать бесконечно, хотя и его документы далеко не все расставляют по местам.

Людам, приобщившимся к организации, предписывалось молчать о ее работе. По сути, БРП стало первой группировкой Русского Зарубежья, доведшей «обет молчания» до крайней степени. Тайну запрещалось разглашать даже в случае выхода из братства. Новообращенный бельгийский «брат РД-27» Владимир Гемпель получил следующее наставление:

«О Вашей Братской принадлежности никто не должен знать. Для облегчения Вашей работы примите к руководству Обращение БРП к Русскому Зарубежью, особенно то, что говорит об “Общем духе РП” и об “Особых целях БРП в Зарубежье”. Обо всем, что Вас будет интересовать, и если потребуются какие-либо разъяснения – пишите мне. Обращаю Ваше особое внимание на ХРАНЕНИЕ ТАЙНЫ!!!»¹¹

Естественно, такой характер деятельности способствовал превращению организации в легенду. Некоторые из работавших в приграничье «братчиков» представляли в виде чуть ли не мифических героев: таковыми были, в частности, атаманы Кречет и Дергач, переходившие советскую границу многократно и устраивавшие теракты самолично. Сами «братчики», разумеется, поддерживали такие слухи. «БРП не есть организация, каких много в нашем рассеянии. Мы не говорим, не собираемся для пустых словопрений, а только действуем»¹². Братство не имело какой-то конкретной политической платформы, которую России предстояло принять после «победы». Общие цели были довольно расплывчатыми, поскольку приоритет отдавался действию: «[БРП] не партия и не душит народу голову хитрыми программами. Братство Русской Правды вышло из народа. Оно есть подлинный голос народа и точное выражение его воли»¹³.

Переписка, собранная в коллекции Балашова, показывает, что желающих перейти из тыловиков в боевики было много. Ему не раз приходилось остужать горячие головы, напоминая

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

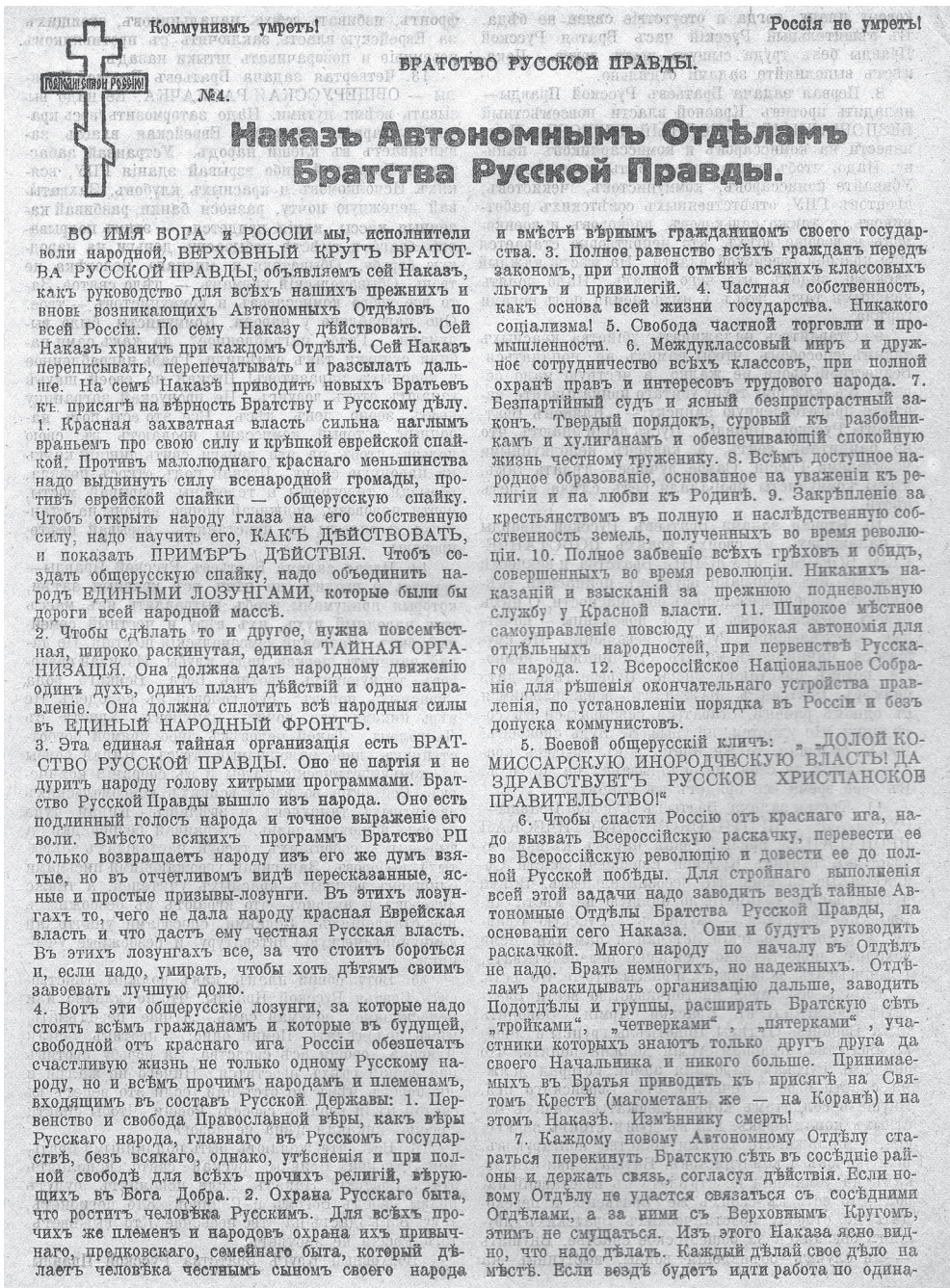
ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

11 Hoover Institution Archives. Andrey Balashov Collection. Unsorted acquisition. July 2024 (HIA – Balashov). А.В. Балашов – В.Д. Гемпелю. 19 ноября 1929 года.

12 ЧС. А.В. Балашов – М.А. Квасневскому. 9 октября 1929 года.

13 ЧС. Листовка «Наказ Автономным отделам Братства Русской Правды», б.г. [конец 1920-х].

Илл. 4. Наказъ автономнымъ отделамъ БРП, 1929 год. Частное собрание.

о разделении обязанностей: «Каждый винт в Братской машине нужен на своем месте. Работай там, где поставила судьба»⁴⁴. Из-за этого переезды «братчиков» в другие страны или даже в дру-

14 НИА – Balashov. А.В. Балашов – И.С. Федорову, 27 ноября 1932 года.

гие города не приветствовались: силы релоканта неизбежно пришлось бы тратить на обживание на новом месте, а значит, деятельность ячейки неизбежно угасала бы. Пылавший желанием попасть в дело «братчик» Иван Федоров («Единоверец»), обратившийся за разрешением переехать в один из «прифронтовых» регионов, в конце 1932 года получил отказ. Руководству казалось, что его недавно созданный отдел в Ужгороде, на тот момент принадлежавшем Чехословакии, был гораздо важнее:

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-
ТАНДИЛЬ
ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

«Нам очень важно Ваше присутствие в стране Вашего пребывания. Вас знают в ней, Вы – столп русский, Вы – энергичны и хороший организатор. Моя горячая братская просьба к Вам: принять энергичные меры к нахождению места в Вашей стране нынешней и стремиться развить дело на месте. Великая ошибка думать, что, чем ближе Вы к врагу, тем хуже для него. Там, как в приграничье, люди есть, но они как раз неустанно просят о помощи из тыла. [...] Дело наше в Вашей стране развито весьма слабо, и потому на Вас вся надежда»¹⁵.

Сам Балашов, о путаном жизненном пути которого будет сказано ниже, «подняв дело» в Брюсселе, неоднократно отказывался от переезда в эпицентр эмигрантской активности – в Париж, – так как считал восстановление на новом месте набранных организационных оборотов непосильной задачей. И действительно – подобные трансферы срабатывали лишь в редких случаях. Кубанский казак и протоиерей Давид Чубов, «брат № 84», один из самых преданных активистов БРП, в 1922–1929 годах проживал в болгарском Сливене. Уже в первой половине 1920-х Чубов стал «братчиком», позже учредив и поставив на ноги Свято-Крестовский автономный отдел БРП в Болгарии (в 1931-м он был переименован в «Ново-Крестовский», называясь также и «Братским центром № 8»). В 1932 году Чубов покинул Болгарию, отправившись во Францию, где сперва служил настоятелем храма в Виши, а затем перебрался в город Южин на границе со Швейцарией. Свой болгарский автономный отдел он отдал под управление Афанасию Приходченко, «брату № 172», работавшему под псевдонимом «Т. Ростев», которому полностью доверял. Продолжая следить за работой в Болгарии, Чубов сумел организовать отдел и на новом месте, охватив русских как в самом Южине и соседнем Аннеси, так и на приграничных со Швейцарской Конфедерацией территориях¹⁶.

Общей и ключевой задачей для всех «братчиков» был неустанный поиск финансирования. Важнейшим источником поступлений были крупные и постоянные спонсоры, среди ко-

¹⁵ Там же.

¹⁶ НИА – Balashov. Д.А. Чубов – А.С. Балашову. 23 февраля 1931 года.

торых выделялись князь Лейхтенбергский, русский фашист Анастасий Вонсяцкий, дореволюционный миллионер Николай Парамонов. Случались и разовые, но весьма крупные пожертвования от таких светил, как изобретатель Игорь Сикорский или композитор Сергей Рахманинов¹⁷. С 1930 года важнейшую роль в сборе средств для БРП начинают играть «Русская Освободительная Казна имени Великого Князя Николая Николаевича» и лично Сергей Палеолог. Немало денег приходило и от простого эмигрантского люда. Чаще всего сборы осуществлялись через распространение агитматериалов: марок, листовок, газеты «Русская правда». Если в начале 1920-х вся литература шла из Берлина, то к 1926-му центр производства и распространения агитационных продуктов сместился в Брюссель.

«Служение России не может, особенно в наших условиях, осуществляться по трафарету. У каждого из нас свои возможности. [...] 1 – Помощь материальная путем распространения всевозможного патриотического материала / Братские марки, портреты и пр. 2 – Пропаганда наших идей среди русских людей для привлечения их к участию в общем деле. 3 – Искание путей для отправки туда литературы БРП и сама отправка. Многие русские люди отворачиваются от этой черной работы потому, что она “черная”, и ищут “интересной”. Однако эта черная работа и является самой ценной»¹⁸.

Помимо всего перечисленного, каждому из новичков, особенно в зонах, где влияние организации было несущественным, настоятельно рекомендовалось «создавать ядро»:

«Сообщите, удалось ли Вам составить пока хоть малую группу лиц – ежемесячных взносов на БРП через Вас. Образование такой группы – первейшая Ваша задача, Родной Брат. Из нее в дальнейшем и возможен будет отбор для составления местного Братского ядра под Вашим руководством»¹⁹.

«Стремитесь подобрать постоянный, верный кадр сотрудников. Из их среды стремитесь воспитать будущих Братьев и Сестер, конечно, не обнаруживая в этой работе себя как Брата. Говорю это потому, что в будущем возлагаю на Вас надежды, мысля Вас во главе одного из местных наших подразделов. Обращайте особое внимание при подборе лиц на умение молчать. Болтунов и стремящихся к “фигуранью” нам не надо»²⁰.

Подобные «ядра» изредка создавались и за кордоном. Так, руководитель южинского отдела во Франции Чубов сообщал Балашову, что сумел запустить ячейку из «полусотни казаков» на Кубани.

17 ЧС. Личный дневник А.С. Балашова. Тетради за 1932–1933 годы.

18 ЧС. А.С. Балашов – М.Г. фон Краак. 27 октября 1930 года.

19 НИА – Balashov. А.С. Балашов – И.С. Федорову. 25 февраля 1933 года.

20 НИА – Balashov. А.С. Балашов – В.В. Линдемману. 25 сентября 1932 года.

Проявивший себя в работе «братчик» мог быть введен в Основной круг БРП – один из двух штабов организации. Вторым центром был Верховный круг – *de facto* высший исполнительный орган, непосредственно занимавшийся всеми практическими делами. В отличие от него, Основной круг, более широкий по составу, сочетал исполнительные и представительные функции²¹. Если Основной круг был открыт для всех «братьев», то в Верховный круг входили руководители отделов и прочие важные чины БРП.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

ГУСАР-ПЕЧАТНИК

А что же сам Балашов, архив которого и послужил ключом к истории БРП? Андрей Балашов родился 3(16) октября 1891 года в Москве в семье помещика Владимира Балашова (1864–1919) и дочери полкового капельмейстера Раисы Флаксерман (1866–1959). Большая семья Балашовых проживала в основном в Москве, а также в имении в Тульской губернии. Окончив курс гимназии Императорского лицея в память Цесаревича Николая в Москве (XXXVIII выпуск), и его же университетские курсы, молодой Балашов с началом Первой мировой войны добровольно ушел на фронт. Распределенный в 11-й Изюмский гусарский генерала Дорохова полк, он очень скоро оказался на линии фронта – в окружении гусар, которым было суждено стать его второй семьей. 1915 год был отмечен Георгиевским крестом, пожалованным за храбрость в бою; за наградой последовало и первое ранение. В сентябре 1916-го контуженный Балашов был откомандирован с фронта в Борисоглебск: ему предстояло держать экзамен на первый офицерский чин. Однако вместо военной карьеры прапорщика Балашова ждали революция и скорое расформирование полка.

Застряв в Борисоглебске, он вел дневник, ставший одной из центральных составляющих будущего архива²². Записи в нем были отрывочны, но в целом неплохо отражали тяжкое предчувствие перемен, а затем и кровавые будни гражданской войны²³. У офицера-патриота все чаще возникали проблемы с новым партийным руководством города, и поэтому после ареста из-за отказа снять Георгиевский крест решение присоединиться к Добровольческой армии начало казаться ему самоочевидным.

21 Базанов П.Н. *Братство Русской Правды...* С. 35.

22 Подробнее об этом артефакте см.: Николаева-Тандиль Е.О. *Дневник корнета...*

23 Биография Балашова реконструирована мной на основе его личного дневника, биографических заметок, переписки с матерью и сестрами. Он крайне мало писал о своих личных заслугах, поэтому многие факты пришлось собирать по крупицам. Во время работы над архивом со мной связались потомки сестер Балашова, оставшихся в Москве после 1917 года. Благодаря общению с ними удалось уточнить информацию о происхождении семьи, а также о жизни Балашова до отъезда в эмиграцию.

В 1918-м Балашов уже на Дону, в составе 1-го Богучарского отряда, а через год он присоединяется к родному полку, восстановленному в Добровольческой армии под именем Изюмского дивизиона.

В ходе военных скитаний молодой офицер проявляет глубочайший интерес к истории Изюмского полка и становится его фактическим летописцем, собирая всевозможные свидетельства, делая заметки и зарисовки, расспрашивая сослуживцев и записывая их воспоминания. Чувство ответственности за историю родного подразделения не покинет его до конца жизни; как безусловную святыню он вывезет архив полка в эмиграцию и уже на чужбине продолжит свое дело военного историка.

С армией генерала Александра Кутепова полк отступил в лагерь Галлиполи, где Балашов пробыл почти до самого конца знаменитого «сидения». Эвакуация затягивалась, все больше друзей принимали предложения о переезде и работе; многие, надеясь на лучшее будущее, рассеивались по Балканам. В 1923 году не выдержал и Балашов. Контракт на работу по строительству моста забросил его на границу Королевства сербов, хорватов и словенцев с Албанией. Там, в холодных бараках, страдая от старых ран и нищенского жалованья, он усердно учил сербохорватский, чтобы при первой возможности перебраться в Нови Сад, где его уже ждали друзья. В этом городе корнету Балашову предстояло провести три года. Уже в 1924 году он развернет здесь активную издательскую и активистскую деятельность. основав небольшой патриотический союз «Все – Родине», он начал выпускать патриотические марки и буклеты, доход от реализации которых через Сергея Палеолога направлялся в помощь «Русской Освободительной Казне». А еще через два года, подталкиваемый друзьями, он опять переезжает – на этот раз в Брюссель.

К тому моменту у Балашова вполне сложилось собственное понимание патриотической работы. Первостепенной задачей ему казалось восстановление на новом месте печатного дела. Быстро были налажены контакты с сетью типографий; появились мастера – изготовители клише и подрядчики, готовые выполнять заказы в рассрочку. Благодаря помощи соратников по Союзу, Балашову в сжатые сроки удастся приобрести небольшую типографскую машину, которую князь Андрей Оболенский согласился установить в подвале собственного дома. Так появился «патриотический склад», минимизировавший свои расходы за счет собственных полиграфических мощностей, а вместе с ним и частное издательство «Союз русских патриотов», которые занимались выпуском всевозможной патриотической продукции: копий наград, георгиевских лент, значков. За по-

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-
ТАНДИЛЬ

ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

*Илл. 5. Андрей Балашов,
Брюссель, 1926 год.
Частное собрание по-
томков семьи Балашо-
вых, Стокгольм.*

добным материалом к Балашову и его другу Борису Берин-Бей Попперу обращались эмигранты из Бельгии и других стран, союзы и объединения, организаторы русских праздников. Вскоре издательство стало своеобразным «буфером» для активистской деятельности Балашова и компании²⁴. Так, второе издание книги Амфитеатрова «Стена плача» вышло именно там, а вся выручка от продаж ушла в БРП.

В начале лета 1926 года, благодаря своему старому другу, ротмистру-изюмцу Николаю фон Розеншильд-Паулину, Балашов вступил в переписку с берлинцем Александром Кольбергом. Последний был секретарем БРП («брат № 9», псевдоним «Верный»). Подталкиваемый Кольбергом, увидевшим в этом контакте возможность вывести БРП на новый уровень, Балашов фонтанировал идеями – к немалому восторгу своего корреспондента:

24 См.: Она же. «Братское сердце», или Полвека на чердаке...

«С величайшим удовольствием прочел Ваше письмо и порадовался Вашему начинанию относительно обращения письма Краснова в листовку – это давнишняя наша мечта, но мы, к сожалению, из-за ограниченности наших средств заняться этим не могли, и если Вы теперь начали это и будете продолжать, то, верьте, мы достигнем колоссальных успехов, тем более, что их можно рассылать простыми письмами, не вызывая никакого подозрения. [...] Кроме того, этим мы увеличим вообще количество агитационной литературы надлежащего качества, а она сейчас нужна, как манна»²⁵.

Илл. 6. Проект обложки второго издания книги «Стена плача» Александра Амфитеатрова, 1931 год. Частное собрание.

Учитывая столь тесную причастность к делу БРП, Балашов тогда же, в 1926 году, получил предложение вступить в орга-

25 НИА – Balashov. А.Н. Кольберг – А.В. Балашову. 17 ноября 1926 года.

низацию. Однако, как ни странно, он отказался. Свое нежелание стать «братом» он объяснял Кольбергу тем, что возглавляет союз «Все – Родине» и несет в этой связи определенные обязательства. На деле же Балашову требовалось время, чтобы заручиться поддержкой двух важных для него людей: ответственного за дела русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, старого друга Сергея Палеолога, и последнего донского атамана Петра Краснова. Балашов и Краснов к тому моменту были давними знакомыми, сблизившимися еще в Новочеркасске. В 1924 году Балашов делился с атаманом первыми идеями совместных патриотических публикаций, видя в нем фигуру, способную стать символом антибольшевистского сопротивления. Он регулярно трудился над редактированием публичных заявлений Краснова и корректурой его статей. Объединив свои знакомства, контакты и работу на БРП (членом которой он пока еще не был), Балашов начал выпускать небольшие листовки. Материалы шли на границу и оттуда в СССР, где еще теплилось слабое сопротивление, о чем свидетельствует, в частности, запись от 3 января 1927 года:

«Радость: письмо от Атамана Белорусских Партизанских отрядов Зеленого Дуба, с уведомлением, что полученные им 200 экз. письма ПНК [атамана Краснова. – Е.Н.-Т.] на Дон посланы будут по назначению на текущей неделе, с просьбой высылать литературу в возможно большем количестве. Написал Адамовичу о посылке ему 400 экз. письма ПНК»²⁶.

Краснов передал Балашову контакты генерал-лейтенанта Федора Абрамова, начальника III отдела РОВС в Болгарии, и генерала Александра Геруа в Румынии. Те предложили помощь с переброской материалов в СССР по своим каналам²⁷. Вторым маршрутом была отправка листовок в европейское приграничье: в Польшу, «брату № 355», есаулу Александру Мельникову (псевдоним «Артиллерист», шеф департамента БРП в Гродно), и в Финляндию, «брату № 30», Анатолию Толлю (псевдоним «Горемыка»).

Объемы издаваемого и засылаемого неуклонно росли, и по архиву видно, как Балашов понемногу выходил на солидные обороты. В апреле 1927 года «Открытое письмо к казакам на Дон № 8» было отпечатано в количестве 10 тысяч экземпля-

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

26 ЧС. Личный дневник А.С. Балашова. Тетрадь за 1927 год. С. 3.

27 Отношения между БРП и РОВС обострились после смерти великого князя Николая Николаевича, конфликтного раздела названной в его честь казны и открытого выступления Сергея Палеолога на стороне БРП. РОВС неоднократно нападал на БРП, запрещая своим членам вступать в организацию и всячески раздувая скандал в эмигрантской прессе. Это, однако, не мешало некоторым высшим чинам РОВС тайно помогать БРП. Так, Георгий Гартман – сын генерал-майора Бориса Гартмана, начальника V отдела РОВС в Бельгии – вступил в БРП в 1930 году, а супруга генерала Мария Константиновна открыто поддерживала Братство и тесно общалась с Балашовым.

Илл. 7. Обращение атамана Петра Краснова «Донцы!», 1930 год. НИА.

„Добрый конь подо мною — Господь надо мною.“
Казацкая поговорка.

Генералъ отъ кавалеріи Петръ Николаевичъ Красновъ въ бытность
Донскимъ Атаманомъ. Въ Новочеркасскѣ въ 1918 году.

Д О Н Ц Ы !

До какихъ поръ будемъ терпѣть униженіе, плѣнь, рабство, издѣ-
вательство надъ нами инородческой Антихристовой власти? До какихъ
поръ будемъ оставлять нашихъ родныхъ братьевъ мыкаться по за-
границамъ и жѣть горькій хлѣбъ изгнанія?
Добыть либо дома не быть!

ров, а в июне 1928-го – 20 тысяч экземпляров. В январе 1929-го Краснов пишет текст под названием «Призыв для Зарубежья», ставший «летучей листовкой» (и вновь 10 тысяч экземпляров). В феврале 1929-го тиражом в 20 тысяч выходит «Призыв генерала Краснова», а уже в мае в том же количестве печатается памфлет «К русской изгнаннице».

Балашов не только перепечатывал красновские прокламации, но и лично рисовал картинки к различным листовкам²⁸. В мае 1930 года он отмечал в дневнике:

28 NIKOLAEVA-TENDIL E. *Cazo Commissaire-Priseur. Art Russe: Archives d'Andreï Balachov & à Divers Amateurs*. [Описание лотов 71 и 72, представленных на торгах аукционного дома «Cazo» в Париже 26 октября 2021 года].

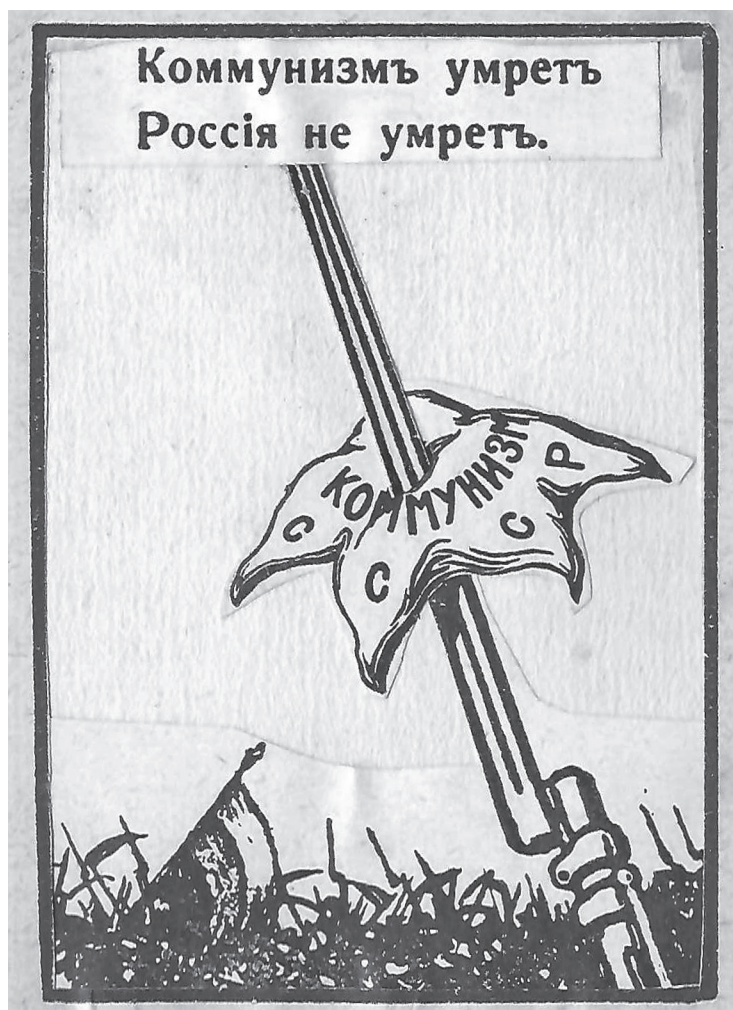
«Набросал рисунок: красная звезда, пронзаемая мечом, серпом и молотом».

«Составил объяснение к Братской “зажигалке” “Союза Красного Петуха”. Надо, чтобы было коротко и ясно. Решил написать Братский марш. Мотив мой. Слова просятся. Обложка также будет моя. Издам в пользу БРП»²⁹.

Иные листовки должны были воспламенять в буквальном смысле: под «зажигалкой» подразумевалась листовка «Русский красный петушок», в которой приводился простой рецепт изготовления зажигательной смеси.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ

ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

Илл. 8. Проект листовки БРП, начало 1930-х. Частное собрание.

Балашовым же создавались и разнообразные частушки, тоже предназначавшиеся «для отправки “туда”»: «Гладит серп и мо-

²⁹ ЧС. Личный дневник А.С. Балашова. Тетрадь за 1930 год. С. 9.

лоток больно по головушке – не довольно ль, мужичок, литься русской кровушке?»; «Во советском во раю подложили нам свинью, а мы, дурни, лопаем, да ушами хлопаем»³⁰.

Наконец, Балашовым была разработана наградная система для членов БРП, предусматривавшая своеобразный плюрализм: христианам полагались бронзовые награды – Братский крест и Боевой крест («Спасовый крест»), – а для «братьев» из числа мусульман, работавших в Персии и на Кавказе, предусматривались свои медали. Помощь с арабской вязью, провозглашавшей «Нет мира между Аллахом и шайтаном», оказал глава Серафимовского отдела БРП в Турции, «брат № 213» Павел Парфенов (псевдонимы «Муромец», «Илья Муромец», «И.М.», «Н. Владимирский»).

Учитывая такой агитационный накал, Краснов, регулярно сетовал на то, что столь внушительные объемы печатной продукции не удастся распространить. Однако бухгалтерия Балашова говорит об обратном: десятки тысяч копий расходились в среднем за три–четыре месяца, и все приграничные посты (Польша, Турция и Финляндия) рапортовали, что листовки ушли по назначению – дальше, «туда».

СОВЕТСКИЙ ПАР И ТАТАРСКОЕ МЫЛО

Если главной внутренней задачей БРП было изыскание средств, то в ряду внешних задач очевидно доминировала заброска агитматериалов в СССР. Понимание эффективности печатной пропаганды пришло к Балашову еще в 1924-м, в период экспериментов с союзом «Все – Родине». В дневнике за 1927 год он цитирует свои планы из письма Палеологу:

«Отправка получаемой от организаций, а также печатаемой собственными силами агитационной литературы – через окраинные государства – партиями и обычными почтовыми отправлениями по вымышленным адресам. [...Распространение среди иностранцев] литературы, направленной против III Интернационала, с осведомлением о его деятельности и путем бесед членов Союза с иностранцами в местах их проживания, с призывом к борьбе против общего врага»³¹.

В 1920-е второй из упомянутых пунктов считался крайне важным³². Дело это было непростое: новые каналы открывались и закрывались постоянно, а из-за нелегального характера этой деятельности приходилось проявлять немалую сноровку

30 Там же. Тетрадь за 1929 год. С. 17.

31 Там же. Тетрадь за 1927 год. С. 10.

32 БАЗАНОВ П.Н. *Братство Русской Правды...* С. 107.

и действовать быстро. «Братчики» постоянно информировали друг друга о том, появились ли у кого какие-то новые «выходы». Например, руководитель лионского отдела Горovenko сообщал:

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВА-ТАНДИЛЬ
ГУСАРСКИЕ ТАЙНЫ...

«В Севастополе есть мой брат, перешлю им при первой возможности на совпароходе, может быть, через Константинополь или Порт-Саид, это будет зависеть, откуда я получу весточку. Этим путем я уже пересылал нашей литературы очень много и имел подтверждения, что все получено благополучно»³³.

Естественными точками этого «братского интереса» стали портовые города. Архив Балашова позволил проанализировать работу автономного отдела БРП имени Святого Преподобного Серафима Саровского (Серафимовского отдела) в Турции, о котором до сей поры практически не имелось информации. Отдел возглавлял упомянутый выше капитан Парфенов («брат № 213»); его «ядро» было небольшим, но весьма энергичным. Парфенов и его люди постоянно испытывали давление со стороны турецких властей, а налаживание торговых связей между Советской Россией и Турецкой Республикой лишь усугубляло ситуацию³⁴. Постоянные проверки и присутствие прибывших в Константинополь «топтунов» из ГПУ отравляли жизнь белым активистам, и с годами ситуация становится лишь сложнее. Парфенов сетовал:

«Высокие гости из СССР пробыли здесь две недели. Из опасения, чтобы не было на них покушения, из среды белых хозяевами [турками. – Е.Н.-Т.] было взято до 200 заложников. [...] Я сам не был арестован, но пришлось две недели просидеть в деревне, никуда не показываясь. Перед самым приездом гостей здесь был пущен слух, что в нашу страну прибыл террористический отряд БРП для охоты на красную зную. Ясна провокационная цель»³⁵.
«Угроза ежедневной высылки дамокловым мечом висит над нами. А это очень мешает делу. [...] Красные союзники хозяев при посредстве своих агентов составили списки трехсот русских белых, кои должны быть высланы»³⁶.

Парфенов неоднократно пытался выехать из Турции, но только захватив с собой нескольких самых близких «братчи-

33 НИА – Balashov. К.Ф. Горovenko – А.С. Балашову. 8 сентября 1931 года.

34 Выстраивая новые отношения с Турцией, Ленин буквально ломал исторически сложившиеся альянсы. В 1920 году власти РСФСР решают поддержать «врага своего врага» и начинают помогать правительству Мустафы Ататюрка в его борьбе с британцами и французами, оккупировавшими Константинополь после Первой мировой войны. Финансовая поддержка, поставки вооружений, присутствие в стране советских специалистов оборачивались усиливающимся давлением на русскую эмиграцию. Подробнее см.: Цыплин В.Г. *Советско-турецкие контакты по военным вопросам в начале 1920-х годов* // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». 2019. Т. 19. С. 69–75.

35 НИА – Balashov. П.И. Парфенов – А.С. Балашову. 10 ноября 1933 года.

36 Там же. 14 мая 1935 года.

ков». В итоге решено было продолжать работу несмотря ни на что. Уже в 1930 году были налажены первые способы заброски литературы и листовок в СССР:

«Питание нашей Братской литературой сов. матросов мною налажено месяца три тому назад. И теперь всякий сов. пароход, отплывающий отсюда, уносит на своем борту то или иное количество нашей литературы. Иногда сами моряки указывают, какая литература им желательна. Особенным успехом пользуется послание преосвященнейшего Владыки Митрополита Антония»³⁷.

Нередко у «братчиков» не оставалось выхода, кроме как подходить к советским матросам на улице, завязывать с ними разговор и вручать им листовки. Были и более изощренные способы:

«Моряки закупают здесь мыло на русском заводе царицынских татар. В обертку каждого куска закладываются наши листовки. Я откупаю у них некоторое количество для бесплатной раздачи матросам. Да и сами они дают для дела. А то просто как я, так и они в известные пункты сов. России рассылаем литературу почтой»³⁸.

Парфенов постоянно работал над расширением охвата и возможностей своих агитационных сетей, зондируя почву в соседних странах Ближнего Востока:

«Теперь у меня налаживается линия для снабжения нашей литературой через Тегеран пограничных частей красной армии, стоящих на сов.-персидской границе. Но сообщу об этом более подробно, когда добьюсь осуществления этого»³⁹.

И вновь выручали друзья-татары: в Тегеран материалы планировалось переправлять с одним из хозяев мыловаренного завода, где отоваривались товарищи краснофлотцы; владелец предприятия сочувствовал идеям БРП⁴⁰. К 1931 году за такие заслуги перед будущим освобожденным отечеством Парфенова ввели в состав Основного круга БРП. В следующие два года отправка агитационных материалов была поставлена на поток, расширяясь вместе с увеличивавшимся числом швартовавшихся в турецких портах советских кораблей. «Хорошо пошла наша литература»⁴¹, – сообщает Парфенов Балашову в апреле 1931 года.

Антисоветская деятельность такого размаха не могла не привлечь внимания ГПУ. В августе 1932 года Парфенов получил на этот счет предупреждение: записку от «брата № 5». Осведомленный соратник сообщал, что, по свидетельствам матросов

37 Там же. 18 декабря 1930 года.

38 Там же.

39 Там же.

40 Там же. 26 января 1931 года.

41 Там же. 9 апреля 1931 года.

с парохода «Ильич», 17 августа заходившего в один из портов Турции (предположительно в Измир), «вся эта литература БРП идет из Константинополя. ГПУ произвело чистку среди некоторых судовых команд. Чтобы люди не могли привыкнуть друг к другу, происходят частые смены и перемещения в командах»⁴². Матросам воспрещалось выходить в город поодиночке, это позволялось только группами. Пройдут годы, и эта практика дополнится для редких выездных счастливых обязательным присутствием согладата-чекиста в штатском.

В 1932 году количество кораблей уменьшилось, но пыл Парфенова не ослабевал:

«Прямая связь туда за лето была очень слаба. Пароходов нет. Хозяева взяли у своих союзников концессию на поставку лимонов туда. Я эту концессию использовал для поставки нашей литературы. Опять расходы»⁴³.

Как правило, в БРП деньги, получаемые со сборов на местах, шли наверх, но, учитывая стратегически выгодную позицию турецкого отдела, «серафимовским» разрешалось оставлять себе часть доли для подкупа нужных людей. Работа отдела не прекращалась, несмотря на регулярные «просеивания» эмигрантской среды турецкими спецслужбами. Дополнительно искали и сторонние выходы:

«На нашем пункте по известным причинам тамошним матросам запрещены всякие покупки. Концессию на снабжение моряков требуемыми товарами взял один грек. Пункты: Салоники, Пирей (Афины?). Если есть там наши, следует указать, чтобы обратили на это внимание»⁴⁴.

Благодаря сетевому характеру БРП, чувство локтя и «братской» связи было очень развитым; приправленное конспирацией, оно создавало ощущение, что «везде есть наши люди». Разветвленная структура позволяла относительно быстро информировать соратников о сомнительных персонажах, «засланных казачках», каких-либо изменениях в работе, всевозможных происшествиях. Секретарь Кольберг в этом был особенно незаменим: по ряду свидетельств, содержащихся в переписке с Балашовым, именно берлинские «братчики» снабжали действовавших в СССР повстанцев издаваемыми в Германии листовками, а также оружием и деньгами. По очевидным причинам дошедшие до нас доказательства отрывочны. Когда в 1932 году Кольберг отправил Балашову и другим членам Верховного круга несколько фотографий с оружием и листовками в доказательство

⁴² НИА – Балашов. «Брат № 5» – П.И. Парфенову. Б.д., отметка о получении 17 августа 1932 года.

⁴³ НИА – Балашов. П.И. Парфенов – А.С. Балашову. 4 октября 1932 года.

⁴⁴ Там же. 22 августа 1936 года.

подготовки очередной диверсии, корреспонденты сочли такой поступок чрезвычайно опасным: и Краснов, и Балашов отчитали «брата № 9» за проявленное легкомыслие.

Не исключено, впрочем, что дела обстояли гораздо хуже. В 1932 году скандал потряс основы БРП: незаменимый Кольберг оказался замешан в шпионском скандале. Он начал продавать данные о БРП английской разведке (а скорее всего и большевикам). Последовавшее громкое расследование, подкопившее БРП, совпало с другой открывшейся информацией: «брат № 1», Соколов-Кречетов, оказался действующим членом франкмасонской ложи, в которую привлекал и других членов организации. Бульварные газеты и мечтать не могли о столь удивительных кульбитах «православного» БРП. Разумеется, последовали организационные изменения. «Фор Эвер» подал в отставку, «Верный» (какая ирония!) – Кольберг – впал в истерику, а руководство принял на себя князь Ливен. В итоге структура поколебалась, но выстояла. Спасли те самые разветвленность и отсутствие единого командного центра, о которых говорилось выше. «Братство» продолжало свои акции вплоть до конца 1930-х, причем особенно отличался отдел, работавший на Дальнем Востоке: его руководство лично организовывало акции на территории СССР.

Европейские «братчики» тем временем продолжали тонуть в скандалах. Новое руководство самим фактом своего появления внесло раскол в и без того растрепанную верхушку. Часть «братчиков», среди них и Балашов, выступила за Ливена, силась сохранить БРП в существовавшем виде, но активная молодежь, в особенности из парижского отдела, была против. Возглавляемые графом Георгием Орловым-Денисовым («брат № 256») и Дмитрием Потоцким («брат № 50»), они решили отделиться и объявили о создании Исполнительного центра, требуя полномерного и глубокого реформирования Верховного круга. Еще одним их требованием стало вторичное воцарение Соколова-Кречетова. Разочарованный крахом общего дела Краснов, которого многие умоляли встать у руля оставшегося без капитана корабля БРП, взял самоотвод.

Соколов-Кречетов скончался в 1936 году. Тогда же деятельность организации начала замедляться и почти затухла к началу 1939-го. «Братство Русской Правды», которое так и не распустило официально, впало в анабиоз, в котором и провело Вторую мировую войну. В 1950-е на руинах разоренной Европы Балашов попытался найти ниточки, тянущиеся к оставшимся где-то в 1930-х «братчикам». Тогда же он начал подписывать свои письма как «брат № 1». Эти документы, оказавшиеся посланиями в пустоту, позже упокоились на брюссельском чердаке. Последний «брат» остался полным сиротой.